

М.А. Тарусин

ДОБРЫЕ СОСЕДИ VENEMAA

ТАРУСИН Михаил Аскольдович – руководитель отдела социологических исследований Института общественного проектирования. E-mail: mtarusin@yandex.ru

Всё вроде есть на границе России с Эстонией — и флаги и пограничники в форме и даже псы-нюхачи, а ощущения границы нет. Все словно исполняют какой-то надоевший обряд. В четыре утра дверь купе в грохотом отъезжает в сторону, и русский таможенник, стоя в коридоре, лениво спрашивает «запрещенное везете?». «Не везем» — отвечают ему, и он, вздохнув, закрывает дверь. Через четверть часа появляется русский пограничник, берет паспорта и говорит: «Цель поездки?». «На могилу к бабушке» — ответила моя сестра, и пограничник, сказав «Ну, тогда всё ясно», удалился.

Еще через час, уже на эстонской стороне, сначала разбудил эстонский пограничник, сказал «пап-расу пас-порта!» и спросил про цель поездки. «На могилу к бабушке» отвечали ему, и он тоже загадочно молвил «а, ну это понят-но». Затем таможенник из коридора сказал за нас утвердительно, что запрещенного мы не везем, и мы согласились. После него вдруг припелся рыжий пес, нюхнул под столом и, не глядя на нас, потрусил прочь. Еще лет восемь назад каменнолицый эстонец в черной форме (по-моему, с одним погоном) сам чуть не нюхал мой паспорт и долго сличал холодным цепким взором физиономию с фотографией, но сегодня, видать, наигрались, и пограничная процедура больше напоминает контроль билетиков в московском автобусе.

Балтийский вокзал за прошедшие годы не изменился, и даже старый рынок на его задах всё тот же, каким он помнится мне в 60-х годах прошлого века, только торгуют теперь здесь одни русские бабы, и считается он самым дешевым в городе (кстати, лиц кавказской ни на этом рынке, ни вообще в городе нет — видать Таллин не сахар). Ходят сюда за продуктами сами русские, да пожилые эстонки — все как на подбор аккуратные маленькие старушки, седые как лунь, в светлом плащике и с легким платком на шее на манер шарфика.

Молодежь и люди с деньгами отовариваются в сетевом таллинском супермаркете «PRISMA», вроде нашего «Рамстора», здания которого расплюхались в нескольких кварталах города. Вот выходит из такого супермаркета молодая эстонка — символ нового времени — она энергична, независима, несколько по-северному насуплена, в руках у нее «Coca-Cola Light» и пластиковая коробочка с тертой сырой морковкой (сам видел).

На Балтийском вокзале мой отец, человек последовательной и принципиальной экономии, вздумал узнать, не бесплатен ли проезд на общественном транспорте людям его возраста. С этой целью он атаковал киоск, где продавались билетки на проезд и неожиданно для продавщицы просунул голову в окошечко. Эстонка подпрыгнула на табурете.

— Мне семьдесят три года — заорал отец, как многие, ошибочно полагавший, что чем громче он будет говорить на непонятном для собеседника языке, тем вернее будет понят.

Эстонка опять подпрыгнула и что-то залепетала типа «ну, та, ну, та, конеч-но...».

— Но я не гражданин Эстонии — заорал еще громче отец. Не знаю, что творилось в бедной голове эстонки, но смятение на ее лице было полным и безоговорочным. Когда наконец она уяснила, что речь идет о льготах на проезд, облегчение ее было сопоставимо со вздохом нации по окончании советской оккупации. Она залепетала в том смысле, что пусть папаша ездит бесплатно и никто его гражданство в аф-топусе проверять не будет. Отец недоверчиво покачал головой, вынул ее из киоска и сказал, что этот вопрос надо будет выяснить точнее.

Сам Таллин (не могу я еще и второе «н» цеплять) конечно же, изменился, но еще больше изменилось наше отношение к нему. В далеких оттепельных и застойных годах он воспринимался как оазис чего-то западного и совсем не советского, недаром молодой литературный стилиста отправил туда своих героев «Звездного билета». Сдержанная и достойная нелюбовь эстонцев к русским была подернута романтическим флёром в глазах московских кухонных интеллигентов и очень была похожа даже на некоторое нравственное напряжение. Впрочем, оскорбленное национальное достоинство присуще было эстам веками, поскольку почву для этого чувства давали сначала викинги, потом немцы, введшие моду бить местных жителей палкой и даже определившие, со своей любовью к точности, количество палок за различные провинности. Пришедшие следом русские вели себя, кстати, более милосердно и существенно сократили количество палок, но всё равно не стали любезнее немцев. Независимость же эстонцы получали два раза и каждый раз — в результате крушения Российской Империи, чего, кажется, еще не уразумели.

Мы же, мечтая о великой западной воле, ехали в Таллин и даже от пьяных финнов с густопсовым перегаром веет, казалось нам, духом свободы.

В те годы Старый город (Vana Tallinn) казался еще и словно сошедшим с иллюстраций сказок братьев Гримм и Ганса Христиана Андерсена. Он казался таковым еще и потому, что бедная советская власть мало к нему прикасалась реставрациями да разными обустройствами цивилизации и оттого он был, по-моему, примерно в таком же виде, как и в средние века. В 60-е по улицам еще ходили настоящие трубочисты в традиционных цилиндрах, все измазанные сажей, и прикоснуться к ним считалось будущей удачей. На весь Старый город было два-три кефирных заведения, где можно было перекусить, но никак не выпить, народу на кривых улочках было мало, а серые камни булыжника и почерневшие красные черепицы крыш будоражили детское воображение.

Сегодня мы уже сами нахлынули в Европу, подивились ей слегка и гораздо больше удивили ее сами, натоптались по Парижам, да Амстердамам и по тем бесчисленным городкам средней Европы, которые так похожи один на другой, что можно напиться в одном, проснуться в другом и не заметить разницы. Та же Ратуша, ратушная площадь, кривые закоулки, черепичные крыши, кафешки со столиками на улице, подагрённые столетние туристы, безмозглая овцеобразная молодежь, аккуратные цветочные клумбочки да патологически стриженные газоны.

Вот таков сегодня и Старый город Таллина — новый старый Арбат Эстонии. С него тщательно смели столь милую моей памяти пыль веков, подмазали, налепили на каменных фасадах рекламы, напихали в улочки белых пластиковых стульев и столиков, понаставили над ними зонтов с надписью «Heineken» и «Baltika» и запустили стада раскоряченных туристов. Зато можно быстро и бесппроблемно напиться — заведения идут сплошной и нескончаемой чередой.

Вначале я, памятуя о недавнем и неласковом прошлом, вежливо вопрошал бармена:

— Can you speak Russian?

Частое помаргивание и, после паузы:

— J-а, j-а-а, ну конеч-но, поза-а-луста...

Дальше — вежливый и почти ласковый разговор по-русски, всегда доброжелательный, причем не только в интонациях, но и в глазах, где халтурить сложно. Впрочем, если думаете,

что это только в обмен на кроны — ан нет. В автобусе, где мы с отцом и сестрой обсуждали, где лучше сойти, к нам прилепились сразу две седенькие старушки с детальными инструкциями длиной в две остановки.

Впрочем, не весь Таллин такой оевропеившийся, стоило нам зайти за новый бетонно-зеркальный торговый центр «Каубатаја» и углубиться в старые районы, я чуть не пустил слезу — те же деревянные двухэтажные домики, дворы с деревьями, клумбы «альпийская горка» и честная бедность — всё, как и сорок лет назад. Впрочем, вдруг я заметил в одном дворе несколько жирных, явно с любовью откормленных домашних гусей, которых ранее никогда в эстонских городских дворах не видал. Один гусь неожиданно взлетел и сел на край мусорного бака. Заподозрив неладное, я пригляделся и обнаружил в гусе чайку, но какую! Раза в три больше, чем те, что водились здесь в былые времена. Меня заинтересовала такая эволюция, и Тийу, наша дальняя родственница, поведала мне занятную историю.

Я помню стройных, белых птиц с детства, крики чаек и запах моря — эхо юности моей. Эти балтийские чайки всю жизнь кружились над заливом, ловили рыбу и имели вполне стройную талию (над морем еще попотеть надо, да на кильке особо не располнеешь), но в последнее десятилетие освобожденные народы Балтики с радости выловили почти всю рыбу, и чайкам стало скучно гоняться за оставшимися самыми бойкими салаками. С горя стали они переселяться в город на помойки и тут с изумлением и восторгом обнаружили, что на помойном свете есть масса гораздо более вкусных и питательных вещей, чем сырая рыба (совсем, как японцы веком ранее). Ситуация омрачалась только конкуренцией в виде стай ворон, которые привыкли считать помойки своей вотчиной и обладали способностью к организованному отпору. Но тут коса нашла на камень — чайки проявили недюжинные агрессивные наклонности и мяли воронам бока при каждом удобном случае, благо и клюв и нрав имели покруче. За несколько лет они окончательно очистили город от ворон, которых теперь можно встретить только в предместье. Одну такую я видел на Лесном кладбище под Таллином, она сидела на суку без сыра и каркала жалостливо и заунывно. А чайки, которых теперь можно снимать в рекламе пива «Толстяк», совсем освоились и уже нападают на кошек, но воробьев и голубей почему-то не трогают. Самих же чаек есть всё-таки нельзя, несмотря на смену диеты, мясо их всё пованивает рыбой. Мы жили в квартире спального района Мустамяэ, и эти летающие свиньи постоянно садились на балконы и пристально смотрели в окна, как в известном фильме ужасов Хичкока.

Утром, выйдя на улицу, я отвлекся на странный сквер посреди кварталов почти хрущевских пятиэтажек, как услышал за спиной визгливое «Ай! Ай!» и трубный глас отца:

— Мне семьдесят три года!!!

Я еле оттащил его от киоска, к которому он было уже присосался клещом (лысиной внутрь) и обратил его внимание на сквер. При ближайшем рассмотрении сквер оказался самым натуральным хутором, огороженным старым досчатым забором, за которым расположился деревянный же старый дом, сарай, поленица дров, колодец и куры с петухом, который на наших глазах поприветствовал нас чистым русским «кукареком». Все это диковато выглядело посреди городского спального района и имело, как выяснилось, свою историю.

Когда квартал застраивался, жителей старых частных домов выселяли к обоюдному удовольствию, но один старик вдруг заартачился. Поначалу с ним пытались договориться, но тот уперся по-эстонски основательно. С отчаянья ему уже сулили чуть ли не виллу на Лазурном берегу, так как мало того, что застряло всё строительство, да еще и магистраль уперлась аккурат в его забор. Тщетно — хуторянин гордо заявлял, что тут вам уже «не советская власть», что он «свободный гражданин свободной страны» и что он знает свои права. Думаю, отцы города не раз про себя со злобой пожалели об отсутствии этой самой власти, которая показала бы вредителю кузькину мать. Но было поздно — ушла эта власть, а с новой хуторянин судился и выиграл все суды. На сутягу плюнули, помянув его на чужом языке родными с детства словами, сдвинули магистраль на два градуса, передвинули котлованы строительства, а он теперь так и живет — в двух шагах от гигантской парковки супермаркета «PRISMA» и в двух веках от нынешнего столетия.

Это, кстати, еще и показатель того, что эстонцы народ европейский, который, по выражению Чичикова — немеет перед законом, в данном случае перед сводом писанных европейских, без которых в эту общагу не берут. Я уж не говорю об этой столбнячной манере стоять на красный свет, даже если машин нет в радиусе трех парсеков. Кстати, в Лондоне такой привычки нет, что говорит о наличии свободы более внутренней, нежели внешней и ставит англичан особняком в европейской семье. Эстонцы же особнячать никак не могут, чин не тот. Давно ли менты на здешних дорогах брали мзду? А нынче, говорят, только предложи — самого скрутят. Не то, чтобы они тогда брали неискренно, просто закон был такой. А нынче закон не брать. Опять же голосуешь — хрен кто из частников остановится, закон такой, что надо иметь Брте кнопки обычные, для остановки, и другого цвета, с

изображением коляски — видно, чтоб водитель задержался подольше. Кстати, за все время ни одного инвалида я так и не узрел, зато в городе полно бомжей, чисто московских, оборванных, вшивых эстонцев, которые сидят на лавках и на которых, как и в Москве, никто внимания не обращает.

И обязательно под бокс стриженные газоны. Это какой-то бзик, если трава вдруг потянулась к солнцу и выросла на пять сантиметров, это уже считается недопустимым вольнодумством, с десяти сантиметров начинается мерзость и запустение. Мы жили, как я говорил, в спальном районе Мустамяэ, что-то вроде наших Черемушек, пятиэтажки стояли квадратом, образуя большой двор, который весь являл собой большой, каждодневно подстригаемый газон с тремя пересекающимися тропинками. В этой бесконечной стрижке, как мне кажется, выражается стремление к порядку предметного мира и, одновременно, определенный страх перед ним, перед хаосом естественного развития, которое не поддается наивному осмыслению.

Размышляя над этим, я вдруг заметил на соседнем балконе даму с сигаретой и, по московской привычке, поздоровался. Она изумленно посмотрела на меня и неуверенно ответила «здасстье?».

— Чему это вы так удивились?— спросил я. Изумление дамы сменилось искренней радостью. Она оказалась русской, живет с мужем, мамой и дочкой в соседней квартире восемь лет.

-Чтобы эстонцы вот так через балкон познакомились, да пятьсот лет живи, не дожدهшься. А вы что, эту квартиру купили? Тут старичок со старушкой жили, милые такие, только ни слова никогда не скажут...

Дама сказала, что с ними никто из эстонцев не общается и только порой, когда они дома «погуляют», кидают им в ящик анонимные письма шовинистического содержания. Вообще, сидя в квартире, я довольно явственно слышал голоса за стеной и представляю себе, как тосковали эстонские души, внимая русской гульбе, которой можно было помучиться даже не через одну, а пять-шесть стен. Письма, впрочем, как я выяснил, были не совсем расистские и заключали совет жить в Эстонии, а гулять уезжать в Россию. Стоит заметить, кстати, что эстонцы не токмо с русскими, но и с соплеменными соседями не общаются и могут поколениями жить бок о бок, не ведая, что одни из них Монткекки, а другие — Капулетти.

Дама тем временем разговорилась и, как водится, стала жаловаться на дороговизну. Жаловаться было на что, цены в Таллине практически московские, при том, что оплата квартиры раза в два выше, а средний доход таллинца в два раза ниже московского — посчитайте сами. К тому же и стоимость самой плохонькой квартирki на первом этаже пятиэтажки советского еще разлива зашкаливает за 30.000 долларов. К 2007 году страна переходит на евро и дальнобойные по природе эстонцы уже мрачнеют от нехороших предчувствий насчет будущих цен.

Зато утешение эстонцы могут найти на ТВ. Сидя как-то вечером, я начал щелкать пультом и нащелкал 75 (!) каналов. Из них: 3 эстонских, 2 финских, штук 10 разных европейских, один хохляцкий, пара еврейских и около 40 (!) русских. Чего там только не было — CNN, Panorama, Euro news, Euro sport, Hallmark, History, Explorer, Reality TV, Discovery science и Discovery civilization, Travel living, STV, Animal planet, TDK, TV XXI, Детский мир, ТВ-1000, 1 OPT, Наше кино, М-ТВЦ, РТР-планета и т.д. и все они на русском, хотя на некоторых — титры на эстонском. Как тут русский язык забыть? Нашел даже пару религиозных каналов, на одном из которых типичный стриженный браток с распальцовкой орал «Халилуя!» и «Амэн» с ударением на «А» и учил притихшую паству, как праведно жить и любить ближнего своего. «Халилуя» он орал через каждые две фразы и постоянно заглядывал в тетрабочку, лежавшую на пюпитре, для чего стремглав бежал через сцену и с воплем «Амэн» бежал обратно, к краю эстрады. Зато замечательными были программы про животных, путешествия и исторические экскурсии о древних цивилизациях и народах.

За два часа я насмерть заразился «кнопчатым синдромом» — это когда не хочешь, но помимо воли начинаешь гнать все каналы с 1-го до 75-го и через пять минут — обратно.

Стоит это удовольствие 40 крон в месяц (примерно 90 руб.)

В русле экономической жизни страны я поинтересовался у наших родственников делами эстонской реституции, сиречь — возврата недвижимости владельцам по состоянию на 1939 год. Оказалось, вернули уже почти 60%, в том числе и им — 3-х этажный дом на улице Виру, что в Старом городе, да загородный дом в Мяригелья. По моим понятиям, дом на Виру должен был давать неплохой доход, о чем я, по наивности и спросил. Я знал, что на первом этаже там устроился кабаk, а верхние сдаются под офисы. На меня замахали руками и долго говорили про тяжкие убытки. Я забыл, что доверие эстонца нужно завоевывать лет тридцать и потом потратить еще столько же, если вы по неосторожности спросили его о прибыли в делах.

Зато мне рассказали, как тяжело было выселять людей, которые в этом доме жили. Некоторые («ну, порядочные лю-ди») уехали сами.

— Куда же они уехали? — спросил я. По родственникам, в другие города — мы не спрашивали. С другими («ну, непорядочные лю-ди») пришлось помучиться и таки их выселили («но, Мисса, этто было так тязе-ло-о»). Эти не хотели понимать, что надо оставить свои квартиры и убраться, куда глядят глаза.

— Бывают же такие люди... несознательные — сказал я, и со мной все дружно согласились.

Кстати, новые хозяева домов как-то не спешат приводить свою собственность в божеский вид, на что муниципальные власти очень рассчитывали. Оттого за вывесками и рекламными постерами фасады домов часто глядят облупленными и грязными. Но не стоит удручаться, отцы города скоро издадут закон, и все эстонцы кинуться малевать свои дома по регламенту краски и колера.

Но ведь Таллин это не только город, это еще — море. Балтика! Если ты попал на море в раннем детстве, оно входит в душу волной и остается там навсегда. Нужен человеку простор и живая необъятность. Пустой пляж и запах гниющий тины, и ласковый шум наката прибоя, и барашки пены вдалеке, и обязательно — парус одинокий. Всё это наполняет легкостью и возвышает вас и очень манит за горизонт. А ветер хорош, и на море баллов пять и невдалеке — яхт-клуб Пирита, а в кармане у тебя деньги, и ты видишь плакат на борту катамарана «Purjejahtide rent» и понимаешь, что тут можно взять яхту напрокат. Что мы и сделали. Вполне морская 35-ти футовая яхта имела на борту капитана Каспара, матроса-салагу и нас троих. Мы вышли из харбора при свежем ветре 10–15 узлов подняли стаксель и пошли под ним острым галсом к ветру (сиречь — бейдевиндом). Яхта оказалась довольно легкой, но слушалась хорошо — я стоял на руле и чувствовал, как она быстро реагирует на движения штурвала, хотя уваливалась тоже с удовольствием. Я спросил у капитана, чьей она постройки, и оказалось — местной. После этого я оглядел ее уже подробно — всё, прям как в Европе. Прямо Venetton или Bavaria. Впрочем, один закидон я обнаружил, заглянув в галюн, из которого вторая дверь вела в носовую каюту. Чтобы попасть в спальную каюту, надо было каждый раз шастать через сортир. Соответственно, чтобы выйти в кают-компанию, следовало сначала постучать, не сидит ли кто в галюне на очке.

— Это что за конструкторские изыски? — спросил я Каспара.

— Но! Мало места — сказал он, и меня тем не убедил. На европейских яхтах места не больше, но никто не устраивает подобных анфилад.

Тут я обнаружил, что чайки над заливом все-таки еще кружат и порадовался — не все еще сменили «помоек уют на риск и непомерный труд».

Это были чайки-диссиденты, чайки, которые не захотели стать «средним классом», хотя не знаю, не сманит ли их через пяток лет, как и меня, тихая жизнь среди немых каменных стен. И будет чайка смотреть на море, сидя на крыше девятиэтажки, и что-то шевельнется в ее птичьей душе, но край глаза ухватит эстонку с ведром. Расправит птица гордые крылья и спланирует вниз, в каменный колодец и заковыляет в мусорному баку, откуда струится аппетитный аромат уютного XXI века.

Мы покидали Таллин, который когда-то, в детстве, был величественным и загадочным, а теперь кажется европейской провинцией, почти деревней, с жителями спокойными и незлобивыми, которые забыли старые обиды и, как и прежде, с надеждой, но и с опаской смотрят как на Запад, так и на Восток. Они живут тихой размеренной жизнью, честность считают выгодней плутовства, по праздникам надевают расшитые деревенские наряды, поют и пляшут, как раньше плясали у нас, в тамбовских деревнях, и тихо попивают горькую, потому что надо и человеку иногда расправить крылья и слегка помахать ими, но так, чтобы соседи не услышали.

— Мне семьдесят три года! — вздрогнув, услышал я за спиной. Мы стояли на Балтийском вокзале, и, обернувшись, я приготовился с болью увидеть очередную полуобморочную киоскершу. Но она улыбалась, глядя на папашину голову у себя в будке, и ласково ему сказала:

— Та, та, я знаю, вы узе спраси-вали. Вы не вал-нуйтесь, платить не на-адо.

— Вообще-то мы сейчас уезжаем — сказал притихший отец.

— Очень жалко — сказала эстонка искренно — приезжайте еще, паза-луста. И катайтесь бес-платно скоко хот-тите.

Примечание: *Venetaa (эст)* — букв. земля вендов (венедов), старинное название России у эстонцев.